

Культура

Месхиев не делит мир на «Своих» и чужих

Виктор МАТИЗЕН

Фильм Дмитрия Месхиева «Свои» в 2004 году получил главный приз ММКФ и несколько «Золотых оленей», в нынешнем году стал призером «Золотого орла» и наверняка будет номинирован на «Никку». Беседа с режиссером состоялась на «Ленфильме» после того, как «Свои» получили приз новоиспеченной Санкт-Петербургской ассоциации кинопрессы как лучший российский фильм года.

— Когда ты закончил «Своих», то предчувствовал успех картины? Грезилось ли тебе обилие призов?

— Я понимал, что картина получилась хорошая. Что это достаточно сильное кино. Что касается призов, то я об этом не думал, потому что глупо было бы об этом думать и на это рассчитывать — к своей работе ведь всегда относиться необъективно. Когда фильм взяли в конкурс ММКФ, получить какую-нибудь награду, не скрою, хотелось, но «Золотой Георгий» был полной неожиданностью... Такого я даже не предполагал.

— А на зрительский резонанс ты рассчитывал?

— Да. Успеха в прокате мне хотелось больше всего. К сожалению, его не случилось. И, как я думаю, не по моей вине и не по вине зрителей, а по вине прокатчиков. Они не позаботились о рекламе. Это меня очень сильно расстроило и расстраивает сейчас. Ведь с нашей стороны было сделано все — фильм объездил множество фестивалей, собрал уйму призов, имел большую прессу... Все это можно было использовать для того, чтобы привлечь зрителей в кинотеатры, однако ничего сделано не было. Огромное количество людей даже не знало, что картина вышла в прокат.

— Разве это не твой прокол?

— Нет. Продюсерский. Я ведь только приглашенный режиссер, и не я принимал решение, кому ее отдать для проката. Знаю, что картина могла бы собрать зрителей, так как другие прокатные компании предлагали за нее гарантированные деньги, то есть рассчитывали их вернуть с прибылью. Думаю, что «Свои» могли бы собрать не меньше «Водителя для Веры». Сейчас, правда, фильм раскручивается Первым каналом, и люди его все-таки посмотрят, но ведь телепрокат — это не кинопрокат. Для кинопроката ничего сделано не было. Постер был серый, скучный. Я бы сам, увидев такую рекламу, в кино не пошел.

— Кто же занимался прокатом?

— Продюсеры и занимались. Компания «Кинобюро», Виктор Глухов и Елена Яцура. Мне кажется, они просто не хотели успешно проката.

— Как это может быть? Раньше в таких случаях говорили: «Продюсеры заработали на стадии производства, но сейчас-то прокат действует»...

— Не знаю. Но у меня настолько наболело, что не хочу скрывать своего разочарования прокатчи-

ками. Этот провал просто выбил меня из колеи.

— Как по-твоему, если бы мы жили не в СССР, где многие темы были запрещены, а в нормальной стране, через сколько лет после войны мог бы появиться фильм, главным героем которого является «предатель Родины», человек, «сотрудничавший с оккупантами»?

— Тоже не сразу. Эти вещи надо пережить и осмыслить. Вот ведь на чеченскую тему очень мало хороших картин — слишком все свежо, слишком запутано. Не отболело.

— Может быть, дело еще и в том, что непосредственные участники войны в принципе не способны посмотреть на нее со сторон?

— Наверное, да. С другой стороны, я же расспрашивал людей, прошедших войну. Меня удивило, что они рассказывают о ней не то чтобы с радостью, но как о хорошем времени своей жизни. Даже про страшные вещи говорят светло. Меня это напрягало, я не понимал, в чем дело. Может, потому, что тогда они были молоды и обостренно чувствовали? Словом, я думаю, что и они могли рассказать то, что рассказали мы с Черных. И я не делал из своего Старосты положительного героя. Я пытался самому себе объяснить, что все не так просто и однозначно. Нельзя делить людей только на героев и предателей.

Я задавал себе вопрос, что человек выберет, если его поставят перед выбором — или он идет служить немцам, или его детей убьют? Лично я бы не выбрал смерть детей. Мне моя крестная рассказала историю про деревенскую девушку, у которой завязалась любовь с немцем-переводчиком. Об этом прознали партизаны и сказали ей, чтобы она привела его к ним в лагерь. Представляешь себе ее внутреннюю борьбу? И она повела его сдавать.

— И что? Расстреляли немца?

— Нет. Увидели, что у них чистая любовь и отпустили.

— Не верю, как говорил Станиславский.

— Но она так рассказала!

— А вот в это верю. Странно, что в нашем кино, да и в литературе о войне с немцами таких историй нет, хотя в литературе о войне красных с белыми их довольно много.

Я задавал себе вопрос, что человек выберет, если его поставят перед выбором — или он идет служить немцам, или его детей убьют? Лично я бы не выбрал смерть детей

— Да, в военной литературе много чего нет. Мне, к примеру, бабки рассказывали, как у них был налажен натуральный обмен с немцами — девочки собирали в лесу грибы и ягоды, а получали за них колечки да бусы. Хотя рассказывали и жуткие истории. Как я понял, все зависело от того, хороший был немец или плохой. Немецкий начальник то есть, при хорошем можно было жить, при плохом — готовься умирать. В одной деревне так, в другой — совсем иначе. Все было дело перепутано. Немцы так быстро наступали, что наши не успели мобилизовать множество молодых ребят, которые попали под оккупацию. Простые, как трава, деревенские парни.

— Ты снял картину в монохромной гамме. Почему? Ориентировался на старое кино?

— Нет. Просто мне казалось, что в этой истории не должно быть ярких красок. Долго делали пробы, приглушали цвета. Даже пересняли солнечные сцены. Сидели, ждали облаков...

— А много ты посмотрел военных фильмов перед съемками?

— Перед съемками нет. Но я с детства обожал кино про войну. И сейчас люблю «Был месяц май», «Проверку на дорогах»...

— Многие зрители отмечали повышенную жестокость некоторых кадров в «Своих». Стремительная и страшная атака немцев в самом начале, человек под танком, перерезанное горло шантажиста, агония полиция...

— Если бы я не сделал страшной первую сцену, было бы непонятно, почему наши бегут от немцев, как попадают в плен и что с ними происходит потом. Я хотел, чтобы зрители почувствовали, насколько внезапным было нападение, насколько мы были не готовы к войне. Сцена с убийством полиция действительно физиологична, потому что все происходит в истерике. Не так-то просто убить человека, даже если ты понимаешь, что он для тебя смертельно опасен. Говоря современным языком, от этого крыша едет, люди перестают быть самими собой, перерождаются...

— Ты очень необычно показал женщин. Подчеркнул их природную суть, всеприемлемость, какое-то равнодушие. Что бы там ни было на дворе — какая власть, какая погода, у них свое дело.

— Я к тому и стремился, чтобы на экране была нутряная, неосознанная, родовая женская сущность. Да и сейчас деревенские женщины наполовину такие. У нее муж алкаш, бьет ее, а она его жалеет, кормит, поит и вкалывает на него на работе и дома. А тогда это женское чувство рода, хозяйства было еще сильнее.

— Актрисам было легко это сыграть?

— Я их обеих — Суркову и Михалкову, порознь отправил в деревню на месяц. Иначе от них и с экрана бы тянуло городом. Объяснить такое нельзя. Только почувствовать. Язык послушать...

— А кто-то заметил, что Федор Бондарчук, играющий полицайстера, изъясняется современным языком.

— Правильно. Ведь он не деревенский, он городской. И с каким-то образованием. Мне как раз и было нужно, чтобы он выглядел совершенно другим. Другого поля ягода.

— Я слышал не только разные оценки картины, но и разные толкования того, что происходит на экране. Тебе нравятся такой разброс мнений?

— Нравится. Значит, люди думают, а не просто повторяют за тобой. Мне, пожалуй, нравится и то, что фильм нравится не всем.

— Интересно, Суркова добровольно добрала четверть центнера для своей роли?

— Последние десять килограммов — добровольно. Я ей заказал всего 14-15. Чтобы была, как раньше говорили, «мягкая и красивая». За остальные килограммы не отвечаю.

— Обидно, что когда Шарлиз Терон набрала для роли в «Монстре» 15 кг, об этом трубили по всему миру, а о подвиге русской женщины мало кто знает.

— Я бы поставил ей в заслугу и то, как быстро она скинула набранный вес...

— Между твоими картинами довольно мало общего. «Гамбринус», «Над темной водой», «Американка», «Женская собственность», «Механическая сюита», «Дневник камикадзе», «Свои» — все это словно бы сделано разными режиссерами.

— Ну да, у меня нет какой-то одной темы, которую я мог бы развивать из фильма в фильм. Я понимаю, что это довольно рискованный путь — каждый раз брать за что-то новое, но мне интересны такие эксперименты. Я никогда не делал «экшн», и мне очень хотелось попробовать.

— Как ты выбираешь темы для своих новых картин?

— Сначала интуитивно. На уровне «задает» — «не задевает». И если задело, начинаю думать, что и как. Сейчас, с опытом, стал более аккуратно и расчетливо относиться к выбору. На «Своих» я вышел случайно. Меня просто попросили прочесть сценарий, который хотел снимать Федя Бондарчук, когда у него застопорилась «Девятая рота». Мне сценарий понравился, и я сказал, что с удовольствием взялся бы за это, если Федя откажется. Так оно и случилось. Через несколько месяцев мне позвонили и сообщили, что Федя вернулся к остановленному фильму и сценарий свободен. Я сказал, пусть он мне сам это подтвердит. Он позвонил и подтвердил, что отдает мне сценарий.

— И ты тут же предложил ему роль?

— Нет, в тот момент о распределении ролей я еще не помышлял.

— Вы с Черных сильно изменили первоначальный сценарий?

— В общем, да. Причем я должен сказать, что классик относился к своему тексту очень спокойно, без излишних амбиций. Помоему, работали душа в душу.

— Ты снимаешь фильмы и сериалы. Это совсем разные вещи?

— Это разные виды продуктов. Когда я снимаю кино, я водитель. Когда перехожу к сериалу, то словно бы выхожу из машины и

становлюсь пешеходом. Разные экраны, разные скорости, разные затраты, разная ответственность. Начать с того, что на большом экране больше и лучше видно, и там кадр надо прорабатывать. Поток, телепродукция должны быть намного проще. Чтобы человек пропустил десять минут, и все оставалось понятным.

— А можно снять серию за то же время, что она будет идти, одним кадром?

— Можно, но не думаю, что это будет интересно зрителю. Хотя мы с Сашей Рогожкиным одно время носились с идеей сделать фильм в реальном времени. Время должно было отсчитываться по футбольному матчу, который идет по телевизору. Вся история с убийством, расследованием и вычислением убийцы должна была уложиться в час сорок. Жаль, не получилось. А сейчас, когда Сокуров снял таким образом «Русский ковчег», это уже неактуально.

— Ты чувствуешь себя частью поколения или одиноком волком? Делишь кинематографистов на своих и чужих?

— Нет. Для меня они делятся на тех, чьи фильмы мне нравятся, и тех, чьи фильмы мне не нравятся. Или не близки, скажем так. Но у меня есть чувство поколения. И чувство кровной близости с некоторыми представителями других поколений. Хотя сейчас поколенческие различия не так сильны, как раньше. Мы живем во время, когда все перемешалось...